

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА

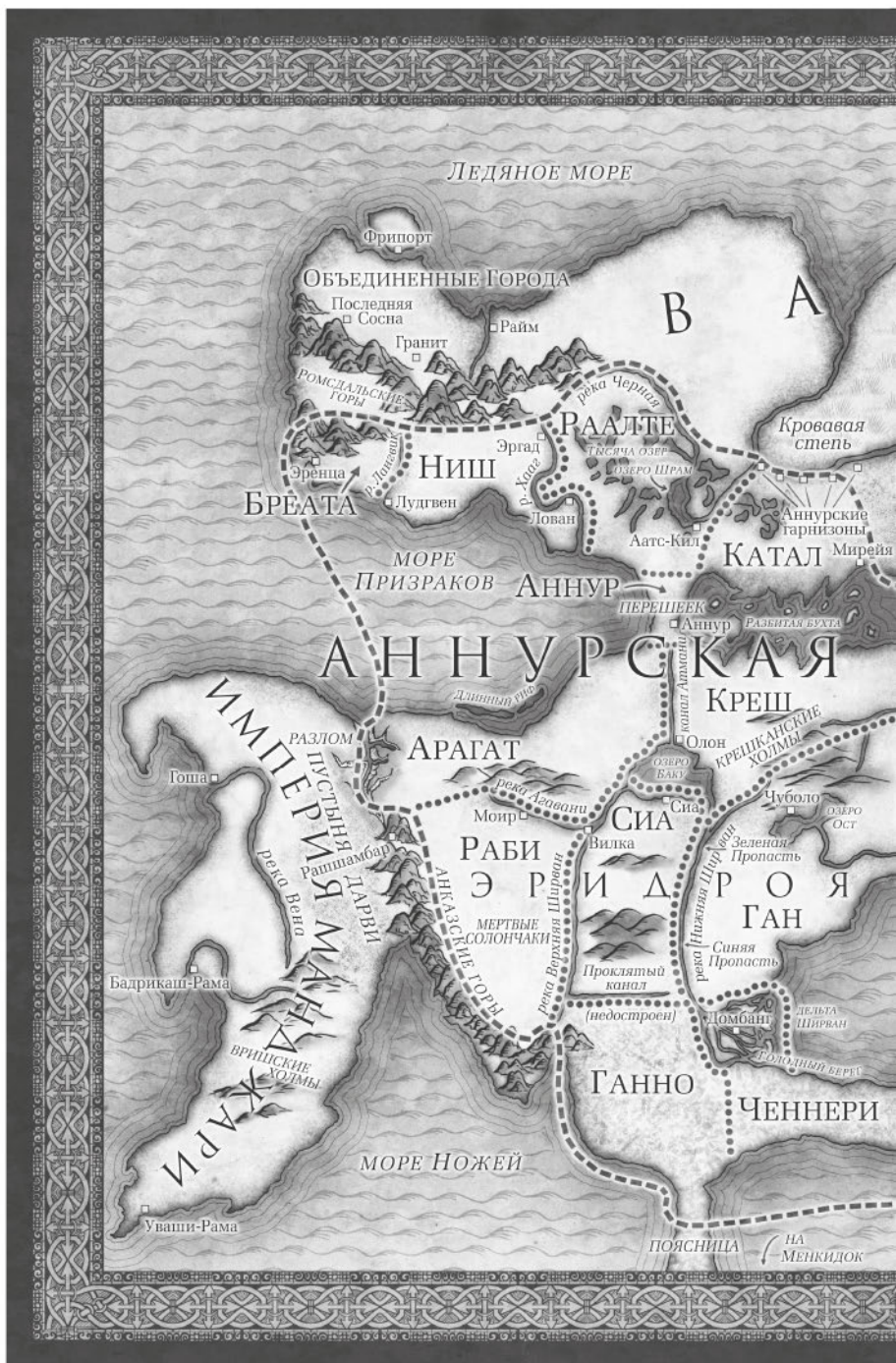
Хроники Нетесаного трона. Книга 1

БРАЙАН
СТЕЙВЛИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

*Посвящается моим родителям,
читавшим мне сказки*

Ш Ш
Золотая степь
Сухая степь

Дальняя степь

Ашк-лан

КОРОЛЕВСТВО АНТЕРА

река Белая
Антурские гарнизоны
ПУСТЫНЯ СЕГИР

Костистые горы

река Светлая
Антера
река Темная

Изага

Допк

Гасково

КРОВАВЫЕ ГОРОДА (независимые полисы)

Враца

Врица

Кава

Сими

ИМПЕРИЯ

ЗЕМЛИ, НА КОТОРЫЕ ПРЕТЕНДУЕТ АНТЕРА (спорные с Кровавыми Городами)

река Вавена

СЕЛАС
Сальфи

ЧЕРЕП

ЖЕЛЕЗНОЕ МОРЕ

КИРИНСКИЕ ОСТРОВА

Елизнеши

Сарай-Пол

Ганабоа

БАСКА

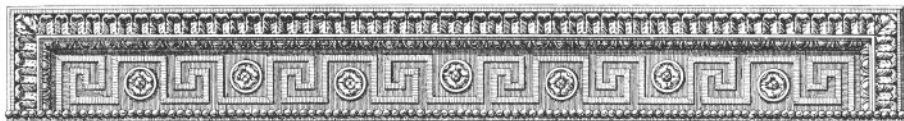
ДЕКАСАРТИ

БАЛИН

Кеох-Канг

Красный берег

August 2013

ПРОЛОГ

Гниль.

«Это все гниль, — думал Тан-из, глядя сверху в глаза дочери. — Гниль забрала мое дитя».

Длинные цепочки пленников заполнили долину. Воздух сотрясали вопли и проклятия, мольбы и всхлипывания; полуденный жар пропах кровью и мочой. Тан-из не обращал внимания ни на что — его презрительный взгляд был прикован к лицу дочери, той, что стояла перед ним на коленях, обхватив его ноги. Вера была уже взрослой женщиной: минул месяц, как ей исполнилось тридцать лет. Если не всматриваться, она могла показаться здоровой — ясные серые глаза, худые плечи, сильные руки и ноги... Однако кшештрим не рожали здоровых детей уже несколько веков.

— Отец! — молила женщина, и слезы ручьями текли по ее щекам.

«И эти слезы — тоже признак гнили».

Разумеется, для этого существовали и другие имена. Дети по невежеству или недомыслию называли свой недуг «старостью», однако в этом, как и во многом другом, они ошибались. Старость не равна дряхлости. Тан-из и сам был старцем, многовековым старцем, но жилы в его теле оставались крепкими, а ум — бодрым. Он мог бежать весь день, всю ночь и почти весь следующий день. Большинство других кшештрим были еще старше — их возраст насчитывал тысячелетия, — и они до сих пор топтали землю. Те, кто не пал в бесконечных войнах с неббарим. О нет! Время идет своим чередом, звезды молчаливо плывут по орбитам, сезоны сменяют друг друга, и ничто из этого само по себе никак не может

навредить. Не возраст, но гниль точит детей, пожирает их внутренности и умы, высасывая из них силу, превращая в прах те проблески разума, которыми они некогда обладали. А за гнилью идет смерть.

— Отец!.. — повторила Вера и снова не запнулась на этом слове.

— Дочь, — отозвался Тан-из.

— Ты ведь не...

Она прерывисто дышала, оглядываясь через плечо на ров, где в солнечных лучах сверкала сталь: доран-се уже принялись за работу.

— Ты ведь не можешь...

Тан-из склонил голову к плечу. Он пытался понять свою дочь, пытался понять всех своих детей. Хоть он и не был целителем, солдатская жизнь давным-давно научила его заботиться о сломанных костях и разорванной коже, ухаживать за гниющей плотью, когда в раны попадала грязь, врачевать изматывающий кашель у тех, кто слишком долго не видел дома. Но это... он не мог постичь природу сокрушительного недуга и тем более был не в силах его излечить.

— Дочь, ты одержима. Гниль овладела тобой.

Опустив руку, Тан-из провел пальцем вдоль морщин на лбу дочери, коснулся хрупких лучиков, разбегающихся от уголков глаз, отыскал тонкую серебряную нить, затерявшуюся среди каштановых локонов. Всего несколько десятков лет, а ее гладкая оливковая кожа уже начала грубеть от солнца и ветра. Когда Вера, вырвавшись в этот мир, впервые показалась между ляжек своей матери, крепкотелая и вопящая во все горло, он было подумал, что девочка вырастет здоровой и недуг ее не коснется. С тех самых пор этот вопрос не оставлял его — и вот ответ.

— Пока гниль лишь слегка тебя тронула, — отметил он, — но со временем ее хватка окрепнет.

— И это вам поможет? — выкрикнула она, в отчаянии дернув головой в сторону свежевыкопанного рва. — Вот к чему вы пришли?

Тан-из покачал головой:

— Решение принимал не я. Совет проголосовал...

— Почему? Почему вы так нас ненавидите?

— Ненавидим? — повторил он. — У нас нет такого слова, дитя. Его придумали вы.

— Это не слово! Это чувство — настоящее чувство! Хоть что-то реальное, хоть какая-то правда об этом мире!

Тан-из покивал. Ему уже доводилось слышать нечто подобное. «Ненависть», «отвага», «страх»... Те, кто считает, что гниль — всего лишь недуг плоти, не понимают в ней ничего. Она разрушает разум, подтачивает само основание мысли и рассудка.

— Я выросла из твоего семени, — заговорила Вера, как если бы это логически следовало из сказанного ею прежде. — Ты кормил меня, когда я была маленькая!

— Так же поступают многие живые существа: волки, орлы, лошади. Все молодые и несовершеннолетние должны опираться на тех, кто их породил.

— Волки, орлы и лошади защищают своих детей! — вскричала она, плача уже навзрыд и сильнее сжимая его ноги. — Я видела! Они охраняют и берегут, кормят и ухаживают. Они растят своих детей!

Вера протянула дрожащую, ищущую руку к лицу отца:

— Почему вы отказываетесь растить нас?

Тан-из отвел руку дочери в сторону:

— Волки растят своих детей, чтобы те стали волками. Орлы — орлами. Вы же... — Он нахмурил брови. — Мы вырастили вас, но вы оказались испорчены. Осквернены. Сомнительны. Посмотри сама...

Он указал на сторбленные, поникшие фигуры, застывшие возле края рва; сотни фигур, молча ждущих своей участи.

— Вы и без нас умрете, и очень скоро.

— Но мы ведь люди! Мы ваши дети!

Тан-из утомленно покачал головой: нет смысла приводить разумные доводы тому, чей разум помрачен.

— Вы никогда не станете нам ровней, — спокойно проговорил он, вытаскивая нож.

При виде клинка Вера издала горлом сдавленный звук и отпрянула. Тан-из подумал, не попытается ли она бежать. Некоторые пытались. Никто не убежал далеко. Эта его дочь, однако, убежать не стала. Вместо того она сжала руки в бледные трясущиеся кулаки и видимым усилием воли поднялась с колен. Теперь она

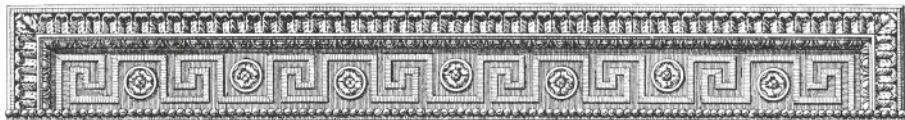
смотрела ему прямо в глаза, и, хотя волосы прилипли к ее мокрым от слез щекам, она больше не плакала. Впервые, пусть и ненадолго, корезивший ее ужас отступил. Она казалась почти здоровой. Исцеленной.

— А такими, какие мы есть, вы нас любить не можете? — спросила она, медленно и четко выговаривая слова. — Пусть оскверненных, пусть испорченных! Пусть совсем прогнивших — такими вы нас не можете любить?

— Любить... — повторил Тан-из, пробуя на вкус незнакомое созвучие, перекаывая его во рту.

Нож вошел в ее тело и двинулся вверх, через мышцы, между ребер, прямо к бешено колотящемуся сердцу.

— Это, дочь, ваше слово — как и «ненавидеть». У нас такого нет.

I

Солнце уже висело над самыми вершинами гор — безмолвный яростно пылающий уголек, заливший гранитные утесы светом, словно кровью, — когда Каден обнаружил растерзанную козу.

Многие часы он шел за проклятой тварью по извилистым горным тропкам, выискивая следы там, где земля была помягче; на удачу выходил на голую скалу и возвращался обратно, если догадка оказывалась неверной. Медленная, утомительная работа — как раз такую старшие монахи с радостью поручали своим ученикам. Солнце мало-помалу уходило за горизонт, небо на западе наливалось лиловым, словно набухающий синяк, и Каден начал беспокоиться, не придется ли провести среди горных вершин всю ночь, согреваясь лишь грубо тканым балахоном. Согласно аннурскому календарю, весна уже несколько недель как наступила, однако монахи не придавали календарю большого значения — равно как и погода, все еще суровая и неуступчивая. В длинных полосах тени под скалами лежали клочья грязного снега, от камней веяло холодом, а иголки на немногочисленных узловатых кустах можжевельника по-прежнему были скорее серыми, чем зелеными.

— Ну давай же, сволочь, — бормотал Каден, изучая очередной след. — Неужели тебе хочется здесь ночевать? Мне точно не хочется.

Горный ландшафт представлял собой сплошной лабиринт ущелий и каньонов, узких промоин и заваленных щебнем уступов. Каден уже пересек три нажравшихся снежной каши ручья, которые пенились в теснинах каменных стен, и его балахон отсырел от брызг. Когда солнце сядет, ткань задубеет от холода. Как козе

удалось перебраться через стремительные потоки, он мог только гадать.

— Сколько можно по твоей милости таскаться среди этих скал?..

Слова замерли на губах: он наконец нашел свою пропажу. Коза была шагах в тридцати, зажата в расщелине так, что виднелась только задняя ее часть.

Хотя он не мог ее как следует рассмотреть — по всей видимости, она застряла между большим валуном и стеной ущелья, — в глаза бросалось, что с ней что-то не так. Животное стояло неподвижно, слишком неподвижно; задние ляжки вывернуты под неестественным углом, ноги торчат прямо, как палки.

— Ты это брось, — неуверенно сказал Каден.

Он подошел ближе, горячо надеясь, что козу не угораздило покалечиться слишком сильно. Монахи хин были небогаты, козьи стада служили им источником молока и мяса. Если Каден вернется с раненым животным или еще хуже — с мертвым, его ждет суровое наказание от умияла.

— Ты это брось, старина, — повторил Каден, осторожно взбираясь по расщелине.

Судя по всему, коза застряла, но, если все же могла бегать, ему вовсе не хотелось снова гоняться за ней по всем Костистым горам.

— Внизу пастбища получше. Сейчас вместе спустимся...

Вечерние тени скрывали кровь, пока Каден едва не наступил в нее. Она разлилась широкой, темной неподвижной лужей. Животное было растерзано: на бедре зияла глубокая рана, идущая дальше к животу, через мышцы вглубь к внутренностям. На глазах у Кадена из раны вытекли последние бурые капли. Превращая мягкий пух на подбрюшье в липкую волокнистую массу, они стекали вниз по одеревенелым ногам, словно моча.

— Шаэль поberi! — выругался он, огибая застрявший в ущелье валун.

В том, что скалистый лев задрал козу, не было ничего необычного, однако теперь придется тащить тушу обратно в монастырь на своих плечах.

— Нужно было тебе убежать! Не могла ты...

Он не договорил, почувствовав, как выпрямилась и напряглась спина: ему наконец удалось как следует рассмотреть животное. По коже ослепительной холодной вспышкой полоснул страх.

Каден перевел дыхание, затем усилием воли успокоился. Хинское обучение мало на что годилось, но умирять свои эмоции он за восемь лет научился. Страх, зависть, гнев, удовлетворение — он по-прежнему их ощущал, но поверхностно, а не нутром, как прежде. Сейчас, однако, даже глядя из крепости собственного спокойствия, он не мог отвести глаза от туши.

Тварь, выпотрошившая козу — Каден тщетно пытался представить, что это могло быть, — на этом не остановилась. Голова животного была сорвана с плеч, крепкие сухожилия и мышцы разорваны несколькими резкими сильными ударами, так что у туши остался торчать обрубок шеи. Скалистый лев мог задрать отбившегося от стада слабака, но не так. Эти раны были слишком жестоки, даже излишни; в них не читалась будничная расчетливость убийств, которые Кадену доводилось видеть в горах. Несчастную козу не просто задрали — ее разорвали на части.

Каден огляделся в поисках недостающей части туши. Камни и ветки, смытые первыми весенними паводками, забили узкую горловину расщелины, образовав заплетенный травами и подбитый илом матрас, из которого торчали выбеленные солнцем цепкие деревянные скелетики-пальцы. В расщелине скопилось столько мусора, что голову удалось найти не сразу — она валялась на боку в нескольких шагах от козы. Почти вся шерсть была содрана, а череп расколот. Мозга не было, его вычерпали, словно ложкой из миски.

Первой мыслью Кадена было бежать. Кровь еще капала со слипшегося козьего меха — в угасающем свете дня она казалась скорее черной, чем красной, — а значит, убийца мог прятаться где-нибудь в скалах, карауля свою добычу. Никто из местных хищников не стал бы нападать на Кадена — тот был довольно высок для своих семнадцати лет, хорошо сложен и силен, поскольку полжизни провел в тяжком труде. С другой стороны, никто из местных хищников не стал бы отрывать козью голову и выедать из нее мозг.

Каден повернулся к устью ущелья. Солнце уже скрылось за степью, оставив лишь ожог в небе над горизонтом. Ночь заполняла ущелье, словно масло, струйкой льющееся в кувшин. Даже если пуститься в путь немедленно и всю дорогу бежать что есть силы, последние несколько миль до монастыря придется покрыть в полной темноте. Каден думал, что давно перерос страх ночи

в горах, но ему совсем не нравилась перспектива идти, спотыкаясь на каменистой тропе, под взглядом затаившегося во тьме неизвестного хищника.

Он шагнул в сторону от изувеченной туши.

— Хенг захочет, чтобы я это нарисовал, — пробормотал он, заставляя себя вновь повернуться к месту бойни.

Любой, имеющий кисть и клочок пергамента, сумеет сделать набросок, однако монахи хин ожидали от своих послушников и учеников большего. Рисование — следствие видения, а у монахов был свой особый способ видеть. Они называли это «сама-ан» — «гравированный ум». Разумеется, это было всего лишь упражнение, шагок на долгом пути к достижению ваниате, полного освобождения; но и это искусство могло принести пусть и небольшую, но пользу. За восемь лет в горах Каден научился видеть, действительно видеть мир таким, какой он есть: след пятнистого медведя, зубчики на лепестке вилколуста, вздымающиеся башни отдаленных горных вершин. Бесчисленные часы, недели, даже годы он смотрел, вглядывался, запоминал. Каден мог с точностью до последней черточки нарисовать любое из тысяч растений и животных и запечатлеть в памяти любую сцену длительностью в несколько ударов сердца.

Он дважды медленно вдохнул и выдохнул, освобождая место в голове — готова чистую дощечку, на которой будут выгравированы все мельчайшие детали. Страх оставался, но он был препятствием, и Каден как мог умалил его, сосредоточившись на текущей задаче. Подготовив дощечку, он принялся за работу. У него ушло лишь несколько вдохов и выдохов, чтобы запечатлеть оторванную голову, лужи темной крови, изувеченную тушу животного. Линии были уверенными и точными, тоньше любой кисти, и, в отличие от обычной памяти, мысленное рисование оставило яркий, четкий образ, незыблемый, как скала под ногами, — такой, который он сможет при желании воссоздать и внимательно изучить. Каден завершил сама-ан и позволил себе длинный осторожный выдох.

— Страх есть слепота, — пробормотал он, цитируя старый хинский афоризм. — Спокойствие — зрение.

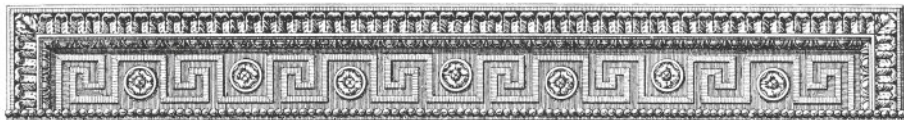
Мудрость древних служила слабым утешением свидетелю кровавой сцены, однако теперь, когда в памяти были выгравированы подробности убийства, Каден мог наконец уйти. Бросив через

плечо взгляд на ближние утесы — не затаился ли в них хищник, — Каден двинулся к устью расщелины. Ночной туман уже переваливал через горные вершины. Каден неся наперегонки с темнотой вниз по неверным тропкам; его сандалии мелькали рядом со сбитыми с деревьев ветками, рядом с предателями-камнями, готовыми кинуться под ноги, чтобы человек сломал лодыжку. Ноги, озябшие и одеревенелые после многочасового осторожного выслеживания козы, постепенно разогревались от движения; сердце установило ровный ритм.

«Ты ни от кого не убегаешь, — повторял он сам себе. — Просто торопишься домой».

Впрочем, у Кадена вырвался тихий вздох облегчения, когда спустя милю тропа обогнула отвесную, похожую на башню скалу — монахи называли ее Коготь — и далеко впереди показался Ашк-лан. Горстка каменных строений жалась на узком уступе в тысяче футов внизу, словно пытаясь отодвинуться подальше от бездны. В нескольких окнах тлели теплые огоньки. Наверное, в кухне при трапезной в очаге развели огонь, а в зале для медитаций зажгли светильники; слышится тихий гул: монахи уже совершают вечерние омовения и ритуалы..

Безопасность. Это слово непрошеным появилось в его уме. Там, внизу, ждала безопасность, и Каден невольно прибавил шаг — заторопился к этим слабым, скудным огонькам, убегая от того, что таилось в неведомой темноте позади.

2

Каден бегом пересек уступ перед центральным двором Ашклана, но сбавил темп, оказавшись внутри. Его тревога, столь острая и ясно ощутимая при виде растерзанной козы, понемногу утихла, пока он спускался с горных вершин и подходил все ближе к монастырю, откуда веяло теплом и дружелюбием. Теперь, направляясь к основной группе строений, он чувствовал, что глупо было так нестись. Конечно, смерть животного оставалась загадкой, однако и горные тропы могут быть опасны, особенно для тех, у кого хватает ума бегать по ним в темноте. Каден перешел на неспешный шаг, собираясь с мыслями.

«Мало мне было козу потерять! Если бы я умудрился еще и ногу сломать — вот тут-то Хенг точно исхлестал бы меня в кровь!»

Гравий монастырских дорожек хрустел под его сандалиями. Это был единственный звук, не считая жалобных завываний ветра, то налетавшего порывом, то вновь стихавшего, то принимавшегося кружить меж узловатых ветвей деревьев и холодных каменных стен. Все монахи были уже внутри; кто-то сгорбился над миской, кто-то постился, сидя со скрещенными ногами в зале для медитаций и постигая пустоту. Подойдя к трапезной — длинному, низкому строению, источенному ветрами и дождями до такой степени, что оно казалось едва ли не частью скалы, — Каден приостановился, чтобы зачерпнуть воды из бочки возле двери. Сделав глоток и чувствуя, как вода стекает в глотку, он выровнял дыхание и замедлил биение сердца. Не стоило подходить к умиалу в состоянии смятения, со спутанными мыслями. Превыше всего монахи хин ценили спокойствие и ясность. Учителя не раз